

Новая поэзия

Вера Воинова

Приправы

Глаза

а где глаза горят? как языки вишнёвые
слойки, слойки с яблоками, вешней водой

ты, может быть, отсутствуешь

bloody мэри?

только не отведи, не отведи

запечённый с корицей блуждающий взгляд,
взгляд с мутноватой плёнкой у края платформы.

—

умывальник умывальник, отмой
лиственницу, еловые лапы
блуждающий огонь,
чтобы хлынули вешние слёзы
гашёной извести в синем формовном ведре
и детском красном ведёрке

—

система очистки берёзового сока
берёзовой коры
напоминает систему очистки контактных линз
краплёные
лабораторные картофельные глазки
лежат в растворе шесть часов
и меня меня окропили
брызнули в лицо, в бараке

и дальше ~~говорить?~~ дальше когда я увидел это
когда увидел я отвёл взгляд
отвёл взгляд

я отвёл взгляд

—

нож грибной не дождь грибной.
отмыл я мутные окна, распахнул я
окна души вашей, и что дальше, дальше, дальше
вёшенки, сыроежки, гнилушки срезая
нашёл я, нашёл только, только
только эти глаза напротив
эти глаза с коричной плёнкой,
муравьиной кислинкой.

Лимонник

наглотаться иллюзий как морской воды.

мама скажет, выплюнь берег.
папа разучил плавать
сырки «дружба» в палёной заводи

запруда, запруда!
мозга-бобра

почему здесь чистый только спирт?
почему здесь липкие плоты?

носоглотка-кровохлорка.

отдушка.

ромашка — это мыло для горла и рук,
(когда к ним нельзя прикоснуться?)
и для посуды такой
есть смолчавшее средство.

—

серебряное ситечко
мой друг украл в гостях
однажды.

он мог украсть кораллы,
а не эти чайные пакетики, что до сих пор
лежат в кармане.

ты воруеть только остов или арматуру?
сперва вынимаешь лёгкие или почки?
что рассказала твоя бабушка,
Агафья-травница?
им нужен лимонник, барбарис
или иван-чай?

ты хочешь всё?
разве здесь не обнести всё сразу?

—

застывшие, мозги их,
закутанные в оренбургский пуховый платок,
стоят на вокзале. прячутся от комаров или тайфуна.
от чего-то иного. от смерти.
Кирилл говорил: лаванда — лучшее средство от моли.
век моли не видать. но интересно, в каком пункте?
автобусный или ж/д? точно путь не морской.
поездка в лимб перед финалом — автобус, зал ожидания
на уссурийском вокзале, напротив рынка. я
ещё не купила билет и прячу ворованную лаванду,
лимонник в рюкзак. мельком подумав — август,
зачем им пуховый платок?
но я ведь не стану оглядываться. пронесу
лимонник в лимб и вернусь обратно. а они
останутся там.

Розмарин

сходи за розмарином, сын,
брат мой,
море, небо.

—

открыть «русский лес» после «русской версии», немного колки
льда в нелепой суете и резком тихом дне, голосах
на подкорочном огороде.

тогда я понял — Леонид Леонов был хорошим человеком.
может, и Борис Пильняк был, хотя речь не о нём.

быть хорошим человеком и видеть ясно —
этого достаточно для тебя, 19 лет.
ведь от лишнего пафоса всегда можно отмахнуться.
мошкара, репелленты. как и сейчас.

а вот А. Толстой как ни крути охранную проходную,
не был таковым.

так ты и «хождение по мукам», и «Петра I» прочитала?
в недоумении спрашивает А., а И. ждёт.
боже, а я бы не смогла. смеётся.

я знаю, «хождение по мукам» лучше «Петра»,
но резкость наводит память

в зазубринах этих расселин
картины, сосущие под ложечкой,
разъедающие глаз, в мареве,
пустыне.

Зачем ты разглядываешь князя Меншикова,
ворующего пирожки, на рынке?
ещё ребёнок, Сашка, хитрый, продавающий иглу сквозь щёку,
потешить лучшего друга, посмеяться самому.

зачем смотришь со двора в жаркую печь, морозным аввакумом
дети распахивают дверь и идут по нужде, крестясь.

не знаю, может, это заячий тулуп
для мозга под прикрытием.
пока Евдокия Лопухина ест холодную курицу,
а всё семейство Епанчиных хохочет со своих розовых облаков.

—

Варлам внутри Воркуты курит в вытяжку,
осторожно вглядываясь, на подоконнике
с той стороны
заутрени, псалмы, пахнущие

специями для супа,
запечённого картофеля и овощей.

рай прост, как канат, спрятанный в лучшем
мясном пироге в том доме для престарелых
твоя кулебяка, Дюма,
ещё одно лето, когда ты думал
они его убили
они его убили и сожгли верёвку

позже, сейчас, запах пакли исчез.

—

модифицированные ртутные шарики
внутри вакуумной упаковки

с розмарином и паприкой

реклама могла бы быть такой.

Герман Мелвилл и Алексей Толстой.
Уильям Фолкнер и Михаил Шолохов.

жмых и ворвань в лохани

в мутной руке так карта гурмана
легла, из списка

второй никогда не дотянет,
сорвётся на всхлип по красному
сукну. э/тот застенок не его
пробирка-родина, игра.

«а маринад?? пресный, на вкус
как тесто с паклей, мавзолей.
не тех растолкали вы, не тех
замешали ступой, левой щекой!

ленивые псы-повара,
голубцы-лаборанты,
админы...»